

ПРАВО И ПОЛИТИКА В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ СОВРЕМЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

***Аннотация.** В статье анализируются позиции категории правовой политики в современном дискурсе, прослеживается диалектика отношений права, политики и морали, вводится категория социального права. Самым актуальным аспектом работы выступает содержание категориального аппарата правовых исследований в политическом поле, соответствие декларируемых позиций действию основных закономерностей общественного развития. Прослеживается преемственность современной политико-правовой мысли и исторического наследия в исследуемой сфере. **Ключевые слова:** социальная трансформация, право, политика, идеология, капитализация, коррупция, девиантность.*

LAW AND POLICY IN A DEMOCRATIC SOCIETY: SOME ASPECTS OF METHODOLOGY AND THEORY MODERN RESEARCH

***Abstract.** The article analyzes the position of the category of legal policy in the modern discourse, traces the dialectics of relations between law, politics and morality, introduces the category of social law. The most relevant aspect of the work is the content of the categorical apparatus of legal research in the political field, the compliance of the declared positions to the action of the basic laws of social development. The continuity of modern political and legal thought and historical heritage in the field under study is traced. **Keywords:** social transformation, law, politics, ideology, capitalization, corruption, deviance.*

В отечественной и зарубежной юридической литературе право нередко определяется как совокупность правовых норм, соблюдение которых обеспечивается принуждением со стороны государства. Определяя таким образом право, мы смешиваем его с формой государства, типом политического режима. В силу этого правом может считаться законодательство государства, политика которого не предусматривает охрану природы, снятие социальной напряженности, отмену иррациональных правовых институтов. Иначе говоря,

КАРАСЕВ Валентин Иванович — доктор философских наук, член-корреспондент АПСН, директор Департамента по вопросам защиты социально-экономических интересов трудящихся Всеобщей конфедерации профсоюзов (ВКП), г. Москва

нормативистская трактовка права может в равной мере обуславливать как развитие общества, так и его отклонения от социальной нормы.

Иная картина открывается перед нами, когда определение права отражает объективные потребности общественного развития, интересы нации и всего человечества. В этом случае право — не формально абстрактная совокупность законов, а их система, способствующая самосохранению общества [1, с. 5].

Пожалуй, точным, с теоретической точки зрения, определением права применительно к индивиду будет: право быть, владеть и расширять возможности собственного бытия и владения.

Вместе с тем наиболее строгим понятием такого естественного права является не социальная дефиниция, а биологический термин «инстинкт». В собственном смысле естественным выступает не сам инстинкт, а то естественное поле его существования, в котором его право будет наиболее адекватным системному развитию совокупности той реальности, которая является действительным условием (причиной) его индивидуального функционирования и развития. В этом смысле естественное поле существования индивида, являясь потенциальной возможностью полной реализации естественного права, в действительности выступает как его первый и абсолютный ограничитель. Естественное, с нашей позиции, право индивида (инстинкт) оказывается правом физического бытия, ограниченным его универсальными законами.

Ограниченным, но не отчужденным. Только с появлением социальной формы общежития, основанной на разделении труда и дифференцированного отношения к его результату — собственности, индивид, уже в качестве личности, посредством влияния на него механизмов действия социальных законов, оказывается отчужденным как от самой деятельности, так и от ее результата. Таким образом, в социальной реальности происходит не только еще большее сужение естественного права как права бытия, но и его отчуждение от конкретного носителя — личности.

Более того, если социальная реальность, взятая как совокупность наличных общественных возможностей полной реализации естественного социального права личности как права социального бытия, то механизмы отчуждения «снимают» естественность данного права для конкретной личности, диффундируя его посредством распределения в качестве абстрактных «прав личности» между абстрактными личностями, как правило, гражданами конкретного государства. Причем механизмом трансформации естественного социального права в абстрактное «право личности» выступает кодифицированная система позитивного, функционирующего в границах юрисдикции конкретного социума, права.

Парадоксом как истиной, являющейся в непривычном проявлении, здесь выступает результат кумулятивного взаимодействия законов природной и социальной эволюции. Отмена естественного в человеке неподвластна действию общественных законов, которые оказываются способными только

на то, чтобы сделать естественное социальное право личности адекватным необходимости и возможности выживания в условиях социума, давая при этом возможность развиваться, но не всей совокупности человеческих возможностей, как эмерджентной индивидуальной сложноорганизованной системе, а отдельным, рациональным и целесообразным в системе общественных отношений, качествам. Парадокс здесь в том, что за десятки тысячелетий, в границах истории которых существует современный социально ориентированный человек, он практически не изменился как биологическое существо, то есть не эволюционировал. И это несмотря на все те успехи науки, техники, коммуникации и информации, которые имеют место в современности, прежде всего в развитых цивилизованных государствах. Развиваются средства существования человека, но не сам человек.

Методологически важен момент познания сущности отмеченного парадокса, так как выводы, которые из него следуют, имеют прямое отношение к суммарному результату того универсального процесса социальной трансформации, проникновение которого в реальность озаменовано процессом глобализации. Речь идет о том, что развиваются не только отдельные качества личности и средства ее жизнедеятельности — трансформируются, изменяются и эволюционируют сами формы деятельности (функции) системы общественного труда и их наиболее масштабные результаты — структурно организованные формы человеческих сообществ: формации, государства, цивилизации и культуры. Фактически мы вновь прибегнем к выводу о том, что если смотреть на происходящие в человечестве процессы с универсальной исследовательской позиции природных законов, то можно отметить, как факт наличия не одного, а, по крайней мере, двух эволюционных потоков: растянутого в тысячелетиях исторического времени процесса индивидуальной эволюции человека и спрессованного в историческом мгновении современности эволюционирования организационных форм человеческого коллективного существования. Вопрос о том, какой из них является универсальным для природы, лидирующим и исторически более перспективным, наверное, все-таки не корректен, так как они суть стороны дуального, но единого потока социальных изменений. Но тот факт, что оба они существуют в параметрах социальной реальности, имеет прямое отношение ко всей системе общественного знания, в том числе и правопедения.

Дело в том, что одним из ансамбля возможных социально значимых для человечества социальных следствий, представляющим интерес и актуальность для теории государства и права является возможность (а с нашей точки зрения, безотлагательная необходимость) введения в научный оборот юриспруденции понятия «социального права», как права коллективного субъекта общественной эволюции — конкретно-исторической формы организации социума.

В социальном поле инстинкт «быть и владеть» становится естественным правом личности, ограниченным в своем своеправии системой позитив-

ного законодательства, но им же, позитивным законом и защищенным от произвола иных личностей или со стороны государства. Государство как механизм регулирования социальных отношений, в том числе посредством права, также этим правом как законом, защищается, тогда как общество — условие существования как своеправия личности, так и государственного своеправного суверенитета, законодательной защиты, равно и ограничения в современных правовых системах не имеет. И это при том, что коллизия «личность — государство» является иллюзией, когда как действительное противостояние в единстве оснований существования заключено в отношении «личность — общество».

Поскольку право личности располагается в диапазоне свободной воли, ограниченной пределами иной свободной воли, то необходимо допустить, что свободная совокупная воля общества, выступающая основным ограничителем своеправия действия воли индивидуальной, является тем самым социальным правом общества на возможность «быть, владеть и расширять границы своего бытия и владения». Следовательно, правомерно говорить о том, что в современных условиях, особенно рельефно под воздействием глобализации, вырисовывается факт становления такого субъекта права, как общество в его конкретно-исторической форме. Значительно актуальным данный вывод представляется в свете необходимости в праве на защиту национального суверенитета, культурной и конфессиональной самоидентификации обществ, попадающих под волну воздействия глобализации в качестве цивилизационной периферии и, напротив, эффективную правовую базу для обеспечения интересов коллективной воли мирового сообщества и его частей от посягательств организованных глобальных форм отклоняющегося асоциального поведения в целом и отклоняющегося, в частности.

Последнее утверждение свидетельствует еще об одном качественном изменении в современном мире. Он становится управляемым. Важно отметить, что управляемой становится сама социальная история человечества¹.

В человеческом познании есть еще один аспект, который по определению не может быть выявлен технологически. Это отношение самого субъекта к окружающему его миру: ко всей совокупности материального мира, к иным субъектам и к самому себе. Материален мир или субъективен, познаваем или нет, антропоцентричен или космичен (холизм), детерминирован или вероятностен, — в любом из этих аспектов человеку необходимо сформировать некую систему ценностей, которая позволяла бы ему ориентироваться во всей сложности и многоуровневости системы мироздания и развиваться в качестве человека разумного.

¹ Сознательное, в данном случае, целенаправленное формирование представления о содержании исторического процесса понимается двояко. С одной стороны, как факт регулирования социальных отношений современности и отражение его в головах масс участников; с другой стороны — как изменение представления об уже имевших место исторических событиях, явлениях и процессах. Ярким примером могут служить произведения А.Т. Фоменко по новой хронологии.

Как материя обнаруживается для человека в ощущениях под воздействием реального предмета или процесса, т.е. в результате взаимодействия, точно также правовая реальность не существует отдельно от человека, от того, как он ощущает воздействие правовых явлений.

Фактически можно говорить о том, что правовые отношения предшествуют в любом случае идее права или праву как таковому. В процессе освоения и присвоения природы, а затем по мере общественного разделения труда, — социальной природы, — происходит двуединый процесс. Вначале появляются объекты присвоения — предмет труда, его орудия, которые в процессе общения по поводу производства становятся средствами производства и в качестве таковых начинают существовать в представлении человека отдельно от производителя. Тем самым, во-первых, выделяется субъект деятельностных причастностей и, во-вторых, объект отчуждается от субъекта системой специфических соприкосновений.

В нашем исследовании речь может идти об отчуждении объекта и субъекта правовых отношений. То есть с появлением объекта правовой реальности, она, правовая реальность, начинает существовать в качестве объективной по отношению к субъекту формы существования. Право, как объективное отношение по поводу предмета определенной деятельности, разделения и обмена деятельностями, результатам деятельности (собственности) предшествует праву как осознанию действительного бытия этих отношений.

Более того, только отчуждаясь в процессе осознания человеком своего места в системе общественного разделения труда, как внешняя среда, право получает имманентную форму собственного существования — правовую реальность. Таким образом, складываясь частично объективно, частично субъективно в процессе субъективной, но определяемой законами природы и общественного развития, деятельности человека, правовая реальность существует для него в качестве объективной, данной в ощущениях природой и системой общественных отношений. Именно в этом качестве она может быть определена как природа правовых отношений, как естественное право.

Являясь в каждый конкретно-исторический период объективной данностью, правовая реальность выступает как источник правовых отношений, возникающих по поводу этой данности. Вместе с тем, по мере разделения труда и роста отчуждаемых от природного человека отношений, формированием интереса деятельного, преследующего свои интересы субъекта, происходит становление права как идеи, субъективной правовой реальности, в которой доминирующую роль играет не только осознание человеком и обществом естественных границ правовой реальности, но и производство правовых знаний и правовой практики, производство позитивного права.

Таким образом, право становится как особый род социальной деятельности. В этом качестве оно и есть искомое звено триады определения категории права. Право, как объективная правовая реальность, право, как идея, как субъективная правовая реальность, и право, как процесс, как деятельность,

интегрирующая всеобщее-конкретное, как идею, и конкретно-всеобщее, как природу.

Предметная деятельность человека в процессе общественного разделения труда отчуждает право в его специфическом, но тем самым именно в этом разделенном существовании формирует действительную его сущность — объективное бытие правовой реальности в ее социальной форме. В свою очередь, правовая деятельность в форме позитивного права с появлением должного возвращает, как свою противоположность, естественную форму правовых отношений как их природу, как естественное право.

Поскольку исторически можно считать доказанным, что отношения господства-подчинения появляются раньше других, в том числе раньше первых крупных разделений общественного труда, то можно сказать, что собственно власть занимает базисное положение на фоне таких категорий, как собственность и право.

Это особенно важно при анализе таких переходных состояний общественных организаций, как состояния государств, включенных объективным ходом истории или, чаще по внешнему принуждению, в современные процессы модернизации. Это влияние настолько велико, что позволяет говорить о совершенно новом феномене социального процесса — так называемой «революции управляющих» [2, с. 234].

Суть процесса возрастания роли управляющих-менеджеров состоит в современном производстве в широком смысле: от производства материальных благ и услуг до производства функций и структуры власти в разворачивании общего тренда современности в сфере отделения собственности от управления. Более широко — в устойчивом нарастании доминирования в дихотомии труда и капитала именно процесса усиления роли труда.

Пожалуй, в этом кроется ключ к пониманию складывания оснований новой формы организации социальных общностей, называемых сегодня информационным обществом или постиндустриальной цивилизацией.

Являясь объективной тенденцией общественного развития, данное явление представляется внутренне противоречивым, как и все предшествующие стадии разворачивания доминант собственности, права, товарно-денежных отношений и капитала.

Одним из подобных проявлений такой противоречивости выступает основная роль социальных групп управляющих. Она может быть определена следующими основаниями:

- 1) Наличие доступа к технологии осуществления той власти, которая в обществе осуществляется сувереном (или высшим должностным лицом), а в производственных процессах — собственником средств производства или продукта труда. Наличие подобной возможности становится главным предлогом интриг, в результате которых ее второстепенный характер блокируется властными полномочиями де-факто, а соперники просто устраняются.

2) Возможность манипулировать правом распоряжения распорядительными правами, как главная особенность, выдвигает управляющих в первые ряды действительных носителей власти.

3) Право распоряжения распорядительными правами становится стимулом процесса перевода интереса управляющих к усилению статуса: в политике — из статуса последователя в статус формального лидера; в экономике — из статуса власти, как конвертации интереса распоряжения собственностью от имени владельца, — в статус формального владения этой собственностью.

Следовательно, налицо факт: изменение качественных параметров социальной организации общества неизбежно влечет за собой изменение качества властных ресурсов: в экономике, политике, идеологии.

Тогда степень возможности влияния на процессы формирования стратегии и цели общественного движения напрямую зависят от того, в чьих руках находятся распределительные механизмы и, в особенности, контроль над самим процессом распределения распределительных прав.

В силу сложившихся традиций отмеченного отсутствия эффективных источников первоначального накопления капитала и особенностей современного состояния России, на роль таких управляющих в нашем обществе реально претендует только один «фигурант» — государственный чиновник.

В этой связи наиболее очевидным фактом является то, что раньше тщательно скрывалось — обладание властью позволяет избежать уголовной ответственности (категория ответственности моральной многим современникам может показаться просто наивной) и даже исключить ее.

Этот факт позволяет под новым углом зрения посмотреть на отношение между понятиями права и идеологии, общества, как публично-правового союза, и государства, как его политической формы (политическое общество) [3].

Общество, в том числе и гражданское, понимаемое как совокупность различных групп составляющего его населения, генерирует многообразие культурных, моральных и научных идей, составляющих в своей совокупности общественное сознание. Применительно к гражданскому обществу, стержнем стратификации которого является экономический признак, то оно может быть как правовым, так и не-правовым, так как именно право выступает в качестве интегрированного и защищенного интереса каждой страты.

И здесь в свои права вступает государство, понимаемое как политическое общество. Если оно поставлено на службу одной из страт, то, являясь по отношению к обществу гражданскому его функцией, государство становится идеологическим, то есть оно подчинено политической идеологии данной страты. Место права как интегрированного интереса всего гражданского общества занимает закон как концентрированная политическая воля определенной страты (класса). В этом случае размываются как понятия общества и государства, так и собственно понятия права и идеологии.

Если общество в качестве публично-правового союза формирует функцию государства, как функцию своего интегрированного интереса, то его единственной идеологией выступает право, как доминирующая в этой сфере часть общественного сознания.

И, как сторона общественного сознания, право не может быть выше экономического строя и уровня культуры данного общества. Следовательно, попытки законодательной власти сделать «правовую прививку» обществу, забегая далеко вперед складывающихся реальных отношений действительной жизни, также пагубно и опасно, как и торможение старых структур в отношении «нового права», уже подготовленного ходом истории.

При этом для нашего анализа важным представляется учесть два следующих замечания.

Во-первых, не следует смешивать право, как производственное отношение, как отчужденную форму общения собственников, с правовой надстройкой. Аналогично, закон (отношение регламентации) нужно отличать от института законодательства как специфической формы деятельности, в которой впоследствии фиксируется это отношение.

Во-вторых, и это представляется крайне актуальной проблемой, необходимо различать границы действия закона и права в своих полных объемах относительно таких субъектов (и объектов) общественной структуры, как общество и государство. А в реальной жизни они осуществляются через вещную, практическую деятельность граждан или бюрократии.

И так же, как государство в любом случае представляет собой более поздний слой отчуждения, чем социум, в силу инерции, если для членов общества (граждан) в действительности действует сила права как система ограничений, так и для представителей государства (бюрократии) определяющим выступает сам закон, как свод предписаний и регламентаций. Древние говорили: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку».

Сегодня, по нашему мнению, для граждан демократического государства (общества) это значит, что для них, как для источника права, так же, как и для Юпитера, позволено все, что не запрещено законом. Но, для государства (бюрократии) разрешено только то, что допускается законом! Более того, то, что прописано в должностном регламенте.

И все же главной для выживания и развития общества представляется стратегия, стремящаяся и исходящая из изменений отношений действительности. Таким алгоритмом, задающим систему отсчета и ее размерности, выступает определение функции государства, как политического общества.

* * *

В цивилизованном государстве возрастает степень научной обоснованности правового законодательства, поэтому его важнейшими особенностями являются: 1) повышение роли правовых норм во всех сферах государственной и частной жизни; 2) возрастание в механизме правового регулирования

ния морально психологических факторов, добровольного, сознательного соблюдения закона; 3) усиление эффективности правового воздействия на формирование и развитие правосознания субъектов права [4, с. 231].

Общество является сложной высокоорганизованной системой, возникшей в результате длительного эволюционного развития. Уровни иерархии структуры отражают его этапы. Следовательно, каждый такой уровень организован по принципам, отражающим действие собственных «законов сборки». Он имеет свои уникальные законы функционирования и механизмы реализации фундаментальных законов. С другими «этажами» общества каждый из уровней связан посредством сопряжения. То есть, он или содержит в себе структурные механизмы последующего уровня организации, или сам входит в конструкцию матричной системы. Таким образом, любой уровень структурной организации данного социума подчинен не только собственным законам, но и более универсальным законам породившего его предыдущего уровня. В переходных состояниях данное положение усиливается кумулятивным эффектом, то есть умножением противоречий внутри всей последовательной цепи проявления законов общественного развития.

Инновационные изменения, происходящие в границах такого субъекта глобализации, как западная цивилизация, имеют два уровня проявления. Первый, который резко бросается в глаза — это развитие транспортных коммуникаций и информационных технологий. Однако следствием их развертывания является только создание условий для реализации главного качества социальных отношений современной постиндустриальной цивилизации, то есть складывание ее инфраструктуры. Главным и определяющим выступает громадный рост производительности труда, основанный на предельно возможной капитализации всей сети производственных отношений западного мира. Он перерос границы не только любой мыслимой производственной корпорации, но и национально-государственные рамки современных цивилизованных государств. Это — первое приближение раскрытия сущности основного противоречия постиндустриализма, рождающего процесс глобализации. Во втором приближении можно зафиксировать перерастание производительными силами самой капиталистической формы присвоения прибавочного продукта, как в приватной, так и в государственно-монополистической формах². И, наконец, в третьем приближении можно говорить о дисфункции современного механизма капитализации, как самодостаточного процесса воспроизводства совокупной стоимости вложенного капитала.

Речь идет о том, что процесс общественного воспроизводства един по форме реализации: производство — обмен — распределение — потребление — производство. Вместе с тем по ряду существенных оснований он дискретен.

² Именно непонимание этого процесса в значительной мере привело организационно-технически развитую форму советского государственного монополизма не к ее преодолению и снятию в качестве существенного общественного противоречия, а к развертыванию вектора капитализации по нисходящей эволюционной ветви — в сторону приватной формы капиталистических социальных отношений.

Эти основания — природные условия, в которых развивается производство, и прежде всего — ресурсная база, система разделения общественного труда, ведущим основанием для общественного воспроизводства которой выступает способность человека к трудовой деятельности — рабочая сила, и характер потребления произведенного продукта в его количественном и качественном выражениях, где ведущим фактором выступает такая сторона общественного разделения труда, как отношение к его результату, то есть конкретно-историческая форма собственности на средства производства и предметы трудовой деятельности.

Исчерпанность ресурсной базы современной мир-системы (капитализма) доказали Ф. Бродель [5] и И. Валлерстайн [6]. Завершенность капитала как главного системообразующего фактора объективации общественных отношений — феномена отчуждения — глубоко и всесторонне проанализировал С. Платонов [7]. Невозможность для подавляющего большинства населения мира легально воспользоваться священным правом на частную собственность, вопреки цели своего исследования, как границу социальной реализации возможности современного постиндустриализма, продемонстрировал на примере стран третьего мира и бывших социалистических государств Эрнандо де Сото [8].

Методологически важным именно для современного прочтения целого ряда внешне разнопорядковых негативных явлений и процессов как внутри западной системы хозяйствования, так и в ответ на ее силовое распространение представляются выводы исследования австрийского ученого К. Поланьи о фиктивной основе функционирования капитализма как экономической системы [9].

Изложенное подтверждается практически всеми современными исследователями, а совокупность приведенных положений свидетельствует не только об отмирании ряда важнейших системообразующих механизмов капитализации, но и о том, что их адаптивное распространение на сферы, расположенные вне действия имманентных оснований, порождает всю гамму реакции опоры — практически все негативные явления и процессы современности, умноженные на коэффициент глобализации [10].

Политика в любом случае отражает не всю совокупность социальных отношений господства и подчинения, а только их сущностную часть — отношений по поводу власти. Таким образом, правовая политика в целом — деятельность по завоеванию и удержанию власти специфическими юридическими способами. То есть, по отношению к политике право выступает как специальный властный инструмент. Как направление, предметной сферой которого является регулирование нормального и девиантного поведения граждан и институтов в интересах групп и корпораций гражданского общества, доминирующих в институтах государственной власти. Вне этого порогового значения правовой политики в поле научных определений существовать не может.

С точки зрения математического моделирования, конструкция деятельности, в результате которой возрастает хаотичность системы, неэффективна. Однако в поле социальных отношений эффективность политики, как отношений по поводу власти, определяется не оптимальностью процессов общественной жизнедеятельности, а коренными и даже сиюминутными интересами групп, реализующих собственные властные полномочия. Общество и граждане интересуют их постольку, поскольку служат либо источником благ, либо угрозой власти.

Правовая политика является социальным феноменом в силу того, что никакая форма политической власти не может существовать вне своего нормативно-правового обеспечения. Мы уже отметили, что обеспечивается, в том числе юридическим инструментарием, претензия на власть господствующими стратами или корпорациями и ее эффективная защита в случае обладания таковой политической властью. Следовательно, если учесть определение политики, то возможно существование правовой политики в строгом предметном поле. О прочих аспектах содержания юридических дисциплин применительно к политическому полю необходимо говорить лишь как о направлениях государственной, в том числе правовой, политики в определенной сфере. То есть, если существует проблема, наличие которой улучшает или усугубляет правовой ресурс действующей власти, она посредством принятия политических решений и их реализации снимает проблему, мешающую потенциалу правового ресурса.

Вместе с тем, по нашему мнению, существует методологическая основа иного взгляда на соотношения политики и права. Так, если следовать фундаментальным конституционным позициям, субъектом властных политических отношений в обществе является народ, делегирующий свои полномочия демократическим институтам политической власти. Такая постановка проблемы делает возможным выделение в качестве сущностных не только отношения социальных групп по поводу власти, но отношение народа к любой форме политической власти, как к комплексному ресурсу жизнеобеспечения всего общества.

На уровне такого рассмотрения политика будет выступать уже как деятельность представительной функции государства по обеспечению сохранения и развития социальных отношений. В этом случае появляется возможность строгого определения правовых аспектов политики государства.

Представляется, что логическая стройность данного умозаключения в условиях существующих параметров социума, не оспариваемая по существу, все-таки является идеально-типической конструкцией, как практически все теоретические описания М. Вебера, К. Маркса, А. Тойнби или О. Шпенглера. Мы в состоянии принять ее в качестве наиболее широкого поля исследования, которое уже выходит из предметности данного исследования, но отдаем отчет в том, что политическая и правовая реальность российского общества не совпадает с аналогичными логически верными конструкциями.

Таким образом, правовая наука вправе претендовать на обоснование собственного ресурса в политическом процессе, но конкретные формы юридической практики имеют качества объектов, а не субъектов государственно-политической деятельности и, следовательно, выступать источниками политики, например, уголовно-исправительной, не могут по определению. Иное прочтение — путь построения утопической, пусть даже «одетой» в самые новомодные математические и кибернетические методологии, модели.

В принципе, посредством права государство выполняет в отношении общественной безопасности строго очерченные функции. К ним можно отнести государственную политику по поддержанию и развитию уровня социально-экономической обеспеченности всех слоев населения в границах социально значимой нормы; деятельность по обеспечению обратной связи в вопросах, требующих государственного решения с целью минимизировать социально негативные протестные и реактивные формы общественного поведения; правовую работу по оптимизации юридических, то есть нормативных границ дозволенного и недозволенного в параметрах минимизации возможностей не просто девиантного, а прямо преступного поведения отдельных категорий социума и индивидов. Формы деятельности по обеспечению внешнеполитической и военной безопасности имеют собственную специфику и не входят в предмет данного исследования.

Основные параметры любого современного национального государства, с одной стороны, располагаются в границах становления глобальных планетарных промышленных, финансовых и информационных сетей, способных обеспечить достойный уровень гражданам цивилизованных демократических социально ориентированных государств. С другой стороны, они определяются организационными принципами и закономерностями архитектуры собственного внутреннего строения. Поэтому определение политического курса государства зависит не только от действия объективных законов и нашего осознанного и интуитивного стремления к гармонии и благополучию. Многие зависят от других, подчас неуловимых факторов, таких, как культурный потенциал, исторический традиционализм, экономическое состояние, ресурсная база и отражающее их общественное мировоззрение.

Вместе с тем необходимо отдавать себе ясный отчет в том, что современный мир живет не только экономическими основаниями. По крайней мере, лидирующая в мире европейская цивилизация, создав со времен просвещения мощный инструмент — современную систему научного знания, все в большей степени попадает под его обратное влияние. Это выражается, прежде всего в том, что любое действие в социальном поле выстраивается под доминирующим влиянием процесса аналитического моделирования ситуативных и долгосрочных возможностей. Имея форму прогноза практически на самом деле, данная деятельность носит, по нашему мнению, характер управляемого извне событийного ряда. Извне потому, что сама аналитическая деятельность выступает отраженной и отчужденной формой

причинно-следственной и телеологической связи между основаниями и проявлениями их следствий в процессе принятия решений.

Данное определение свидетельствует о двух важных тенденциях современности. Во-первых, о, несомненно, всемерно возрастающей роли субъективного в объективном развитии самой социальной реальности, ее, в ряде случаях, опережающем характере. Во-вторых, о том, что сам потенциал такого анализа в качестве интеллекта, становится предметом идеализации по форме, а его результат отчужденным и объективированным по существу.

В таком случае правомерно говорить не только о том, что социальные изменения, как и сама социальная реальность, имеют возможность к сознательному управлению, но и о том, что такое сознательное управление имеет тенденцию превращения в отчужденную от своего носителя форму социально значимой деятельности. То есть, если допустить, что при капитализации интеллектуальной сферы не только результаты научных исследований, но и способность к творчеству становится товаром, то понятие интеллектуальной собственности не открывает широкую дорогу к прогрессивному развитию науки и техники, а создает предпосылки практического использования интеллекта на службе того же частного или корпоративного интереса, и уже под видом полностью осознанного положения в качестве социального и правового закона.

Поэтому необходимо как социальный и исторический факт констатировать, что практически все действия по управлению теми или иными секторами социальной реальности, как в границах национальных государств, так и в поле международных отношений, сознательны и осознанны. Важным является даже не сама степень этого осознания, сколько понимание того, что, прежде всего они осознаны с позиции господствующего корпоративного или частного интереса.

Ядром системы социального управления выступает государство, если допустить, что осознание принимаемых политических решений, как бы оно ни выглядело или ни было представлено для объекта управления — самого общества, — в действительности, подчинено аналогичной закономерности. То есть наглядно очерчивается контур вывода о высокой степени определения политических решений как объективным процессом капитализации всей системы отношений, так и субъективно осознаваемым и принимаемым механизмом их коррупциогенности. Кстати, в первом приближении, но с другими целями, именно этот факт четко фиксируется во всех социологических исследованиях, посвященных коррупции.

С правовой точки зрения необходимо учитывать, что в основе любой системы норм или правил поведения лежат как объективные, так и субъективные факторы. В числе объективных факторов выделяются однотипные экономические, политические, социальные, идеологические и иные условия, способствующие созданию и функционированию системы правовых норм в социуме. Как отдельные нормы, так и их система в целом не создаются

стихийно и произвольно. Они отражают объективные потребности индивида, государства и общества и проецируются на реально существующие экономические, политические и иные отношения. В этом плане, несомненно, прав был К. Маркс, когда писал, подчеркивая объективно обусловленный процесс нормотворчества, что «законодательная власть не создает закона, — она лишь открывает и формулирует его» [11, с. 285].

Разумеется, процесс создания и функционирования системы норм не только не отрицает, но, напротив, предполагает существование субъективных факторов. Речь при этом идет о разработке и осуществлении научно обоснованной правовой политики, активного участия специалистов-правоведов в процессе правотворчества, правоприменения и правоохранительной деятельности государственных органов.

Говоря о системе норм, нормативности права как одной из его важнейших особенностей и черт, следует отметить, что нормативность вовсе не означает ограниченности или замкнутости права одними только нормами (правилами поведения) [12, р.110, 182]. Помимо норм и наряду с ними право должно включать в себя другие структурные элементы в виде правоотношений, правовых взглядов и идей, правосознания, субъективных прав граждан.

Вместе с тем, законом современного правового становления является тот факт, что в системе сложившихся общественных отношений и, особенно, в переходные периоды, появляется возможность идеологически, то есть, с позиций осознанных перспектив развития, обеспечить социально-экономические, политические и духовные аспекты развития членов общества. Отражая коренные интересы социальной стратегии, в которой интегрированно выражаются интересы социальных слоев, страт, групп и индивидов, ориентируясь при этом на системные цели социума, идеология как политическая наука, через функции идеологической деятельности и идеологического обеспечения получает возможность определять основное направление социального прогресса.

В то же время, как сфера общественного сознания, идеология, отражая степень реального развития общественных отношений, следует за политикой, воплощаясь в качестве идеологического обеспечения основных направлений политической стратегии.

Именно такая функция идеологии, как идеологическое обеспечение, представляет собой связующее звено между научной теорией и конкретной преобразующей практикой конкретных деятельных людей.

Однако функции правового и идеологического обеспечения законных свобод и прав граждан, общества и государства, как это видно, в том числе из приведенного логического обобщения, не вырастают в пространстве существующего социального «вакуума». Они закономерно отражают параметры имеющей место социальной субстанции, каковой могут быть интегрированные в качестве системного целого реально существующие

общественные отношения, отраженные на уровнях социальной психологии и социальной идеологии.

Эффективность социальной жизнедеятельности определяется механизмом взаимодействия капитала и власти. Капитал, выступая в форме общественного разделения труда в качестве основания простого и расширенного воспроизводства, формирует рыночные отношения; при переходе границы меры качественной определенности он превращается в средство для воспроизводства не своей сущности — товарной массы, а формы — финансовых потоков макроэкономики. В первом случае он выступает генератором социального разнообразия и формирует определенную модель гражданского общества; во втором, монополизирова сфeры общественного производства, ограничивает рынок и приводит общество к редукции социальной стратификации.

Государственная власть, как строй политического общения, в отличие от гражданского общества, как строя частного общения, интегрируя политические притязания всей гаммы его участников, выступает как гарант и формообразующий фактор их реализации через систему существующего законодательства, тем самым оформляя правовую и организационную структуру социума. В случае превращения политической, особенно государственной, власти в товар, она становится наемным «совокупным работником» на службе у отдельного корпоративного или даже частного интереса. В данной ситуации государство как строй политического общения перестает существовать, перемещаясь в сферу частного или монополизированного корпоративного общения.

Источником социальных противоречий являются коренные интересы капитализации внутренних и транснациональных корпораций и обслуживающих их социальных групп, как легальных, так и криминальных; полем конфликта внешнего и внутреннего, нормального и девиантного выступает политическая власть государства; центральным звеном — ее государственные служащие; детерминирующим всю гамму негативных процессов в интерактивном социальном пространстве механизмом — коррупция.

Ключевой структурой в этих условиях выступает государственная бюрократия. От того, насколько совпадают или расходятся в конкретно-исторических условиях три главных составляющих ее функционирования: служение обществу, обеспечение корпоративного интереса или обслуживание самой себя как самодостаточной кастовой структуры, — во многом зависит, если не содержание процесса перемен, объективно детерминированное социально-экономическим уровнем и историческим развитием социальной системы, но механизм его реализации и темпы осуществления.

Можно определять современное общество как демократическое или авторитарное, олигархическое, корпоративное или элитаристское, либеральное или этатистское, — в каждом определении будет, как в зеркале, отражаться не ослабление или усиление государства, как института, а усиление того

аспекта, который соответствует функциональному обеспечению господства социальной силы, которая располагается в основании соответствующего определения. Поэтому либеральные утверждения о необходимости ослабления экономической роли и ухода государства из производственной сферы — не более чем миф, рассчитанный на императивное усиление правотворческой роли государства в интересах обеспечения господства монополий в социально-экономическом пространстве путем создания соответствующего правового поля.

При этом важным представляется следующее обстоятельство. Неизбежным следствием замены естественного на искусственное в системе социальных оснований выступает с силой закона аналогичная замена в их проявлениях, прежде всего в определении источника социального движения и его структурирования в иерархии общественного строения — внутренней социальной архитектоники.

И. Кант отмечал, что его поражают два обстоятельства, это — звездное небо над головой и нравственный мир внутри человека. Речь идет о том, что рассуждения по поводу власти или собственности как онтологических объектов в социальном поле в границах подсистем социальной или политической системы самого общества допускают, по крайней мере, два толкования.

Первое имеет практически форму аксиоматической парадигмы. В ее границах собственность и власть имеют предметную сущность, обладание которой со стороны личности дает возможность использовать как силу, так и право владения, пользования и распоряжения ресурсами отмеченных объектов. В силу такого понимания стремление к власти или собственности рассматриваются в качестве некоторой естественной потребности даже не личности, а человека, как природного существа. Тогда естественной становится и вся шкала социальной стратификации, основанная на обладании собственностью или властью или отсутствии такого обладания. Собственники и наемные работники, власть имущие и рядовые обыватели, — все эти понятия выстраиваются в ряд естественного порядка вещей, который может менять формы своего проявления, но принцип которого представляется незыблемым и вечным.

Второе прочтение практически не востребовано ни системой научного знания, ни потребностями экономической, социальной и политической практики. Речь идет о том, что власть и собственность — суть отношения между людьми в процессе их взаимной общественной жизни и деятельности. Причем, как деятельности по воспроизводству системы лежащих в основании социальной структуры производственных отношений, фундаментом которых в современных социальных системах в действительности является капитал, а механизмом расширенного воспроизводства — их капитализация, так и воспроизводства всей совокупности отношений человеческой жизни, воспроизводства в человеке его человеческого качества, — процесс,

к капитализации и вещиности наличного материального бытия имеющий малое касательство.

Если представить себе, что все ускорение прогрессивного развития и исторического времени как раз и является индикатором перехода от возможностей первой интерпретации к онтологизированию и реализации духовного потенциала второй, то окажется, что вся совокупность определений экономического, социального или политического лежит не в плоскости приоритета дихотомий, будь-то «государство — личность» или даже «общество — личность», а в поле полного объема категории личности, как становящегося в своем имманентном главном качестве человека.

В принципе, данное положение всегда было мощным волнорезом между философией Запада и любомудрием России. Вещность индивидуализма исходит из естественного отбора животного мира и возвращает современному, вооруженного достижениями научно-технической революции человека обратно в его границы. Всеединство российского мировидения строится на понимании универсальности и мироподобности соборного человека, как личности, соборному всеединому миру-вселенной. Вещность социальности — только необходимое, но недостаточное условие становления человека, как подлинно духовного существа.

Данный экскурс не является предметом исследования, но позволяет сформулировать действительную с нашей позиции, а не иллюзорную дихотомию, как возможную основу глобальной тенденции социального движения современности: что сформирует информационное поле развития — виртуальный гностицизм, основанный на переносе принципов капитализации на всю систему социальных и духовных отношений, или этический императив, распространяющий законы духовности на отношения материального производства и воспроизводство самого человека.

Практически на сегодняшний день можно сказать, что рационализм капитализации, перенесенный на все остальные подсистемы общества, начинает наносить невосполнимый ущерб уже не природным ресурсам, а ресурсу человеческого существования. Причем и именно через запуск коррупционного механизма. Речь идет о том, что источником капиталобразования служит только живой человеческий труд, а точнее, разница между вложенным трудом и способностью к трудовой деятельности. На этом основано здание современного индустриализма.

Похоже, что основанием возводимой по западному образцу конструкции постиндустриального общества становится сама человеческая жизнь, то есть разница между реальным воспроизводством системной социальной жизнедеятельности и минимальной способностью населения к самовыживанию.

Фактически этот тезис — продолжение темы верности определений древних в отношении круговорота форм политической власти. Только приведенный контекст убеждает и в верности возможной цикличности способов производства и основанных на ней цивилизационных, то есть

технически современно вооруженных образований. Наличие виртуального киберпространства, электронных маркеров и чипов наряду с потенциалом техногенного манипулирования сознанием формируют реальные предпосылки складывания «нормального» интеллектуально-информационного рабовладения. Причем, только в его границах может стать реальностью ни разу в человеческой истории не состоявшаяся система тоталитаризма в полном объеме понимания данной категории. Грядущая эра нанотехнологий только усиливает эту опасность.

В этих системных границах интересно проследить формирование современного содержания таких понятий, как монополия, олигархия и плутократия. Монополия является исключительным правом владения в сфере конкретной отрасли деятельности. Плутократия — это государственная власть, принадлежащая страте финансовой элиты, а олигархия — политический режим, в котором власть принадлежит узкой группе лиц.

Сегодня практически можно определить, что наполнение содержания данных категорий социального знания определяется действием единственного экономического механизма — процесса капитализации. Капитализация отдельных отраслей рыночного сектора экономики порождает феномен монополии, владеющей исключительным правом на перераспределение прибыли в их границах. Капитализация системы социальных отношений при выходе права собственности монополий за границы рыночного сектора, порождает плутократию, — слой действительных граждан, владеющих экономическим ресурсом — собственностью. Капитализация, вышедшая за границы экономической подсистемы социума, посредством сращивания прав на собственность и исключительного права на власть формирует единую сеть олигархии — узкого слоя сособственников экономического и государственного ресурсов, господство которой стремится к абсолютной власти.

Можно предположить, что, если процесс экономического отчуждения связан с процессом становления капитала, то его аналог в социальном поле опирается на становление, в том числе правовым образом закрепленное, конкретной формы государственной власти.

И, что характерно, данный подход существует со времен глубокой древности. Эллины не жили в эпоху господства капитала, но прекрасно понимали сущность процесса круговорота форм государственного правления. Цикл «царская власть — аристократия — демократия» в качестве зеркального отображения фиксировал последовательность: тирания — олигархия (плутократия или тимократия) — охлократия.

В политической науке, как правило, в большей мере акцент делается на организационной стороне, так, данная циклоида характеризуется по тому, является ли власть одного, группы или всех и гораздо менее — по параметрам лежащего в основе градации ресурса: силы, избранности (по происхождению, влиянию или богатству), права (как природы или как закона, но равного и справедливого для всех, кто входит в категорию действительных граждан).

Еще интересней сущностная интерпретация несправедливых или неправильных форм правления. Ресурс, лежащий в их основании, аналогичен правильным формам, но связан с отклоняющимся поведением, тем самым преобразуясь в свою антагонистическую по социальным следствиям противоположность. Так, сила, ставшая насилием, превращает царскую власть в тиранию; избранность, противопоставляя себя всему обществу, становится отверженностью, превращая аристократию в олигархию; а право всех как целого, дробясь на абстрактные права каждого как единичного, превращает демократию в охлократию, власть в анархию, готова почва для новой тирании.

Практически все современные исследования в данной сфере демонстрируют отсутствие интереса к подобной постановке проблемы, тем самым показывая, что она не является актуальной в силу могущества знания и цивилизованности, как современного организационного строения западного социума, в том числе по отношению к власти вообще и демократии — «священной коровы» цивилизации — в частности. Непонятно, откуда взялась такая абсолютно аксиоматическая уверенность в том, что открытая в древности циклоида не продолжает действовать, причем с силой исторической и социальной закономерности.

Представляется, что никакой уверенности нет, а напротив, присутствует интуитивное ощущение того, что именно так все и происходит, но даже прикосновение к таким образом сформулированной теме может разбудить интеллект в направлении понимания характера, содержания, вектора и цели современной трансформации человеческого общества, тем более в условиях интегративного процесса глобализации, когда вопрос о социально-экономических и политических основаниях нового структурного и организационного строения неизбежно поставит проблему в актуальную плоскость во всем ее объеме, какие политические формы предусмотрены в качестве базовых, фундаментальных оснований становящегося международного сообщества — это, во-первых. Во-вторых, не скрываются ли за фасадом формальных определений либерализма и демократии их отчужденные, неправильные формы. Вопрос тем более важен, что в силу современного уровня развития и влияния глобализации, ответ на его первую и вторую части не так прост, как может показаться в ближайшем, сравнимым с историческими аналогами, приближении.

Более того, данная проблематика не входит в круг научных интересов именно потому, что не финансируется (а это сегодня основной стимул) теми, кто прекрасно отдает себе отчет в действительной значимости снятия флера сакральности с политической власти в ее единстве с трансформационными изменениями формообразования и функционирования капитала в условиях глобализации.

Вместе с тем, сама пребывающая в безмятежной и бесспорной уверенности система свидетельствует о собственном бессилии в определении характера и

направления своего дальнейшего развития. Именно то, что представляется вечным и неизблемым: господство капитала в экономике, демократии и либерализма в структурно-функциональном строении общества и абсолютное непререкаемое лидерство одной великой державы, как лакмусовая бумажка, служит четким индикатором того, что уверенность в данном положении вещей и есть системное знание, расположенное, выражаясь языком теории сложных саморазвивающихся систем, в зоне, далекой от равновесия: равновесия сил в реальности и равновесия в степени отражения истинного положения дел в системе позитивного, в том числе правового, знания.

Ergo, власть меняется по содержанию и по форме, отражая характер перераспределения ресурсов и выражающих интересы их хозяев — социально влиятельных групп. Власть меняется также в поле национально-государственной изменяющейся структуры в условиях действия законов социальной трансформации и, как следствие, меняется влияние формальной государственной и реальной надгосударственной становящейся власти в параметрах глобализирующейся международной реальности.

Характерными процессами, в пределах которых реализуются системные и транссистемные изменения власти, выступают в современных условиях: действие закономерностей мирового процесса капитализации; следствия «революции управляющих» и коррупция как социальный феномен и механизм эмерджентного вырождения государственной власти, как общезначимого социального механизма.

Отмеченные процессы реализуют себя в поле действия универсальных законов переходных процессов: тенденции к внеэкономическому принуждению; потенциалу перехода к новой социальной утопии и господству абсолютизируемого в адекватных достигнутому уровню развития формах государству [13, 14, 15]. При этом наличие влияния сторон противоречия первого и третьего законов инвариантно, а ненаблюдаемость, как в условиях современности, признаков информационной матрицы будущих допустимых параметров развития, свидетельствует о двоякой вероятности: а) она еще не созрела до уровня социально значимой необходимости, и в этом случае еще возможен вектор развития; б) процесс обратим, то есть социум расположен в плоскости течения, обратной прогрессивному направлению социального движения, следовательно, современное общество по доминанте не развивается, а деградирует. Но и в данном варианте роль государства увеличивается до степени внеэкономического формообразующего диктата; вопрос только в тех границах, в ареале которых происходит основное русло трансформационного глобального процесса социальных изменений.

Усиление роли государства — это всегда расширение его бюрократии и то, какими принципами в своей деятельности идеократическое (в любой из возможных форм) государство будет руководствоваться, станет индикатором его способности выступить в качестве центрального формообразующего фактора становления нового структурного уровня человеческого сообщества.

При этом исследовательский дискурс выстраивается, по крайней мере в первом приближении, также дуально. Речь может идти о познании закономерностей переходного процесса в параметрах национального государства, пусть даже в поле действия универсальных закономерностей социальной трансформации, однако, возможно исследование всего поля современной социальности в его системном изменении в условиях глобализации, как единой полной и эмерджентной социальной системы. Второй случай требует определения параметров будущего, или, строже, становящегося состояния социальной реальности, что по отношению к власти означает определение типа ее строения — консолидированного или имперского.

В полной мере значение сущности второго варианта открывает возможности более полного описания трансформационных процессов в функционировании властных институтов в границах современных национальных государств как в ядре формирующейся постиндустриальной цивилизации, так и на ее периферии.

Таким образом, дуальность социальной жизнедеятельности определяется механизмом взаимодействия капитала и власти. Капитал, выступая в форме общественного разделения труда в качестве основания простого и расширенного воспроизводства, формирует рыночные отношения; при переходе границы меры качественной определенности он превращается в средство для воспроизводства не своей сущности — товарной массы, а формы — финансовых потоков макроэкономики. В первом случае он выступает генератором социального разнообразия и формирует определенную модель гражданского общества; во втором, монополизируя сферы общественного производства, ограничивает рынок и приводит общество к редукции социальной стратификации.

Государственная власть, как строй политического общения, в отличие от гражданского общества, как строя частного общения, интегрируя политические притязания всей гаммы его участников, выступает как гарант и формообразующий фактор их реализации через систему существующего законодательства, тем самым оформляя правовую и организационную структуру социума. В случае превращения политической, особенно государственной, власти в товар, она становится наемным «совокупным работником» на службе у отдельного корпоративного или даже частного интереса. В данной ситуации государство как строй политического общения перестает существовать, перемещаясь в сферу частного или монополизированного корпоративного общения.

Отмеченное, как в зеркале, фиксируется в логической цепочке развертывания качества такого феномена, как общественное сознание: религиозное мировоззрение — политические идеологии — рационализм; или: психология — идеология — право — мораль, где последовательность раскрывает содержание отраженного в сознании социума по доминанте индивидуального (единичного), группового (особого) и общественного (всеобщего)

социально значимого интереса в той форме и на том уровне, в параметрах которого данная социальная система в современных условиях функционирует. В границах первого приближения это становление сознательного обеспечения возможности капитализации, в полной мере реализованной после включения механизма протестантской этики труда. Вторая посылка определяет — от второй до третьей позиции — существо политической власти, тогда как первая — четвертая — суть интерактивное пространство социальной жизнедеятельности самого данного общества. Третья цепочка является формализованной структурой выбора в параметрах двух первых, тем самым определяя правильность или отклоняющуюся форму общественного сознания и социально значимого поведения членов общества, как индивидов, личностей и граждан государства.

Капитал, как предельно отчужденная форма производственных отношений, лежащих в основании социальной жизнедеятельности, рационален по определению. Но если он не ограничен в своем самовоспроизводстве границами политической идеологии или религиозной традицией, то из законопослушного он неизбежно превратится в теневой, нелегальный или полностью криминализованный.

Политическая власть, агрегирующая спектр политических предпочтений и не руководствующаяся при этом в собственном правовом поле принципами морально-нравственного ограничения, вырождается в ту форму предельного бюрократизирования, о которой писал К. Маркс в «Критике гегелевской философии права», «Немецкой идеологии» и подготовительных материалах к «Святому семейству». И если при этом решения политической власти не переходят со временем на уровень социально-психологического закрепления в формах ментальности, традиции или обычного права, то, по существу, государство не выполняет своего политического предназначения, политическое общество и гражданское общество существуют в разных социо-пространственных измерениях и данная социальная система чревата потенциалом острого общественно-политического конфликта.

В поле реализации основных закономерностей жизни общества естественно, что они проявляются не автоматически, а через деятельность преследующих свои цели людей. При этом, объективность действия соответствующих социальных закономерностей индифферентна к субъективной интенции, тому, как деятельные индивидуумы относятся к факту их наличия. Осознанность или бездумность не отменяют их общеобязательного характера, но, и значительно, могут затруднить сам процесс реализации. Тем более, отмеченное относится к планируемым артефактам, девиантности или осознанному противодействию вектору действия законов сборки и функционирования данной социальной системы.

Следовательно, «человеческий капитал» с полным основанием можно отнести к решающей цепи природной и общественной детерминации действия механизмов соответствия или несоответствия содержания, характера

и направления социальной деятельности объективным границам применимости общественных законов, впрочем, и опосредованных культурной средой законов естественных, природных.

Человек, как личность, складывает историческую форму конкретного общества; человек, как производитель материальных благ, формирует его экономическую систему, образуя систему гражданского общества; человек, как гражданин, структурирует строй политического общения — государство.

Ранее мы постулировали закон становления определенного типа общественно-исторической формации, описав его в следующих границах действия, как закон соотношения разделения общественного труда и его кооперации: в процессе становления социально-экономического строя доминирующим основанием выступает разделение общественного труда и пик его расцвета совпадает с процессом максимального диффундирования господствующей формы собственности в обществе. Спаду общественных отношений предшествует усиление кооперации производственной экономической деятельности, совпадая с процессом монополизации господствующей формы собственности в предельно для данного социума допустимых границах.

В своей работе, опираясь на наследие материалистической диалектики, мы определили в качестве одной из значимых социальных закономерностей разделение труда в отдельном производственном процессе и в параметрах социальных отношений, сформулировав ее действие следующим образом: власть в экономической сфере обратно пропорциональна власти в обществе, так, процесс демократизации может эффективно реализовать свои цели только в условиях ужесточения и централизации в процессе материального производства, и, напротив, расширение демократических оснований экономических отношений (либерализация) может происходить только в условиях всемерного укрепления государственной власти.

Таким образом, в процессе социальной трансформации в любом из возможных случаев решающим условием выступает именно усиление государственного воздействия на общество. Государство, как социальный институт и механизм, обеспечивающий взаимодействие всех иных институтов и граждан, никогда не уходит с политического поля, лишь меняя содержание отраженного в его доминирующих функциях социального интереса. Иными словами, усиливая именно те стороны своей силы, которые способны максимально обеспечить интересы той группы, которая овладевает его политическим ресурсом.

Подчеркнем: всегда, при изменении вектора социального развития роль государства не ослабляется, а усиливается. В случае качественной перестройки параметров социума этот процесс приобретает характер действия одной из ведущих закономерностей переходного периода.

Следовательно, то, что сегодня происходит в политической сфере, только кажется борьбой за государство или против него, на уровне сущности проблема формулируется иначе: борьба за использование всего, включая

потенциал легитимного насилия, властного государственного ресурса, но не в интересах всего общества и его граждан, а в узко групповых корпоративных интересах.

Список литературы

1. Черненко А.К. Философия права. Новосибирск, 1997.
2. Дзарасов С.С. Российский путь: либерализм или социал-демократизм. М., 1994.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Соч., 2-е изд., т. 3.
4. Чурсин В.Д. Цикличность в праве (вопросы методологии). Ставрополь: Изд-во Ставропольского ун-та, 1998.
5. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск. 1992.
6. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М., 2011.
7. Платонов С. После коммунизма: Книга, не предназначенная для печати. М., ГПЗ, 1990.
8. Эрнандо де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М., 2001.
9. Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // THESIS, весна 1993, т. 1, вып. 2.
10. Kelsen Y. General Theory of Law and State. Cambridge, 1949.
11. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Соч., 2-е изд., т. 1.
12. Weizsaecker, von E., Wijkman, A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018.
13. Карасев В.И. Социальная трансформация как предмет социально-философского анализа: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. доктора философ. наук. М., 2000.
14. Карасев В.И. Феномен политического лидерства. М., 1999.
15. Карасев В.И., Васьков А.Т. Феномен глобализации в социальном контексте современности. М., 2002.